

О.В. Ищенко

Кружковая деятельность учащейся молодежи Сибири в начале XX в.

Заметное расширение сети учебных заведений в России на рубеже XIX–XX вв. обусловило количественный рост числа воспитанников средних и низших школ. В то же время постепенное складывание гражданского общества способствовало формированию гражданского самосознания учащихся, что вступало в явное противоречие с укрепившимся в патриархальном обществе и закрепившимся в законе положением о невозможности привлечения молодежи к участию в общественно-политической жизни страны. Отсутствие у учащихся элементарных прав и свобод, таких как свобода слова, собраний, не могло уничтожить в этой среде стремления к самоорганизации, но фактически способствовало тому, что создаваемые воспитанниками учебных заведений кружки зачастую приобретали политический характер.

Учащиеся, лишенные права заниматься общественной деятельностью даже в легальных ее проявлениях, тем не менее пытались собираться вместе, обсуждать наиболее волнующие вопросы, их отличало жгучее желание разобраться в современной политической ситуации. Поэтому в начале XX в. в различных городах Сибири стали складываться кружки учащейся молодежи (преимущественно старших классов), ставившие перед собой различные цели, но в первую очередь – саморазвитие.

Одним из первых сибирских городов, затронутых кружковой деятельностью учащейся молодежи, стал Иркутск, где, по сведениям начальника местного жандармского управления, уже в первые годы XX в. существовали «кружки организованной учащейся молодежи», в состав которых входили воспитанники и воспитанницы местных средних учебных заведений. Из имеющихся источников видно, что «кружки эти, возникнув по инициативе представителей той или иной чисто революционной организации, первоначально имели своей целью развитие всестороннего самообразования среди учащихся в свободное от школьных занятий время, но вскоре они мало помалу стали принимать иную окраску, войдя в состав революционных организаций» [1, л. 15].

Ярким примером подобных объединений стал возникший в Иркутской мужской гимназии приблизительно в 1903 г. кружок, в который входили Г. Левенсон, М. Файнберг, Э. Левенберг, еще несколько гимназистов и два посторонних лица. Одним из основных доказательств существования указанного кружка стали перехваченные охранительными орга-

нами письма гимназиста Гдалия Левенсона. В частности, 2 августа 1903 г. он писал Е. Левзон в Берлин: «Об открытии кружка уже было собрание, на котором утверждали программу, но еще не окончили» [2, л. 7]. 10 августа 1903 г. он же сообщал Фрусе Райхбаум в Будапешт: «Было несколько собраний нашей «братии», обсуждали программу действий на 1903–1904 учебный год. Выработали программы для самообразования на 1-й, 2-й и 3-й год. Думаем, кроме того, что сами развиваться, привлекать к развитию и других. С этой целью будем основывать кружки с нашей программой. Журнал будет издаваться ежемесячными выпусками при новом, расширенном составе редакции. Будет несколько сотрудников в Чите, Томске и Красноярске. Журнал политический, литературный, научно-академического характера. Первый такой выпуск будет к 1-му сентября» [2, л. 5].

В то же время никаких противоправительственных целей, по словам участников, кружок не преследовал. Одним из основных направлений его деятельности стало рассмотрение национального вопроса – членами кружка читались рефераты на темы сионизма, учения Моисея, положения евреев в России и др. [2, л. 19].

Видимо, кружок иркутских учащихся не был достаточно четко организован, поскольку тот же Г. Левенсон писал в Берлин 11 сентября 1903 г., что кружок чуть не распался, серьезную литературу читать вместе никто не хотел: «Но ты не можешь себе представить, как эта возможность, эта мысль ошеломила нас. Неужели наши дорогие субботние вечера, наши теплые рассуждения утрачены; мы не будем уже собираться и обмениваться нашими мыслями». В результате было решено, что организованный кружок не нужен, достаточно «чтобы у нас было нечто похожее на литературное общение между группой лиц, желающих развиваться», обсуждая при этом литературные рефераты и рефераты по еврейскому вопросу [2, л. 42].

Летом 1903 г. гимназисты начали издавать журнал «Братство», «который никакой определенной программы не имел и представлял собой сборник статей по разным вопросам». Издатели сами определили основное кредо журнала: «Выражать мнения учащихся, независимо от того, к какой партии принадлежит каждый из них», вследствие чего в нем могли «помещаться рядом статьи самого революционного характера и, наоборот, самого консервативного» [3, л. 3–4].

Тем не менее проведенный в рамках жандармского управления анализ нескольких номеров показал, что

в журнале «наряду со статьями, не заключающими в себе ничего противоправительственного, встречаются статьи и стихотворения явно преступного содержания». Например, в статье «О движении в средней школе» говорилось о том, что «ученики, страстно жаждущие знания, но не получающие его от учителей», для удовлетворения своих умственных потребностей «образуют кружки иногда для целей саморазвития, иногда же революционных». Здесь же приводились сведения об организациях среди учащихся и репрессивных мерах, которые предпринимало учебное начальство при содействии жандармов против «неблагонамеренных» [3, л. 3–4].

Особое внимание иркутского прокурора привлекла статья «Кишиневский погром», в которой выделялись следующие строки: «Виновником всего, виновником, на которого падает кровь избитых... является правительство», которое не могло не знать о готовящемся погроме и допустило его, «желая отвлечь гнев народа, который должен был вылиться на самодержавие, так ужасно притеснявшее народ». В заключительной части статьи делался вывод о том, что «чаша страданий народа наполнилась... и недалеко та минута, когда народ подымется на истинных своих эксплуататоров, и эту минуту им ничем не отвратить» [3, л. 3–4].

Для пресечения деятельности кружка в ночь на 11 декабря 1903 г. были проведены обыски в квартире учеников Иркутской гимназии Гдалия Левенсона, Моисея, Павла и Мони Файнбергов, Эдуарда Левенберга, Александра Ельяшевича, Моисея Прейсмана, Якова Винера и Марка Азадовского, а также ученика Иркутского промышленного училища Лейбы Виника.

При расследовании, проведенном жандармским управлением, был сделан вывод о том, что члены кружка, состоявшего из 10–12 человек, собираясь в синагоге и друг у друга, «обсуждали разные факты общественной жизни, причем в своих беседах касались и революционного движения в России», а гимназист Моисей Файнберг, «будучи сторонником социал-демократов, старался всегда проводить среди присутствующих идеи социал-демократического учения» [4, л. 33–34].

Однако сами участники кружка дружно отрицали политический характер их объединения. Все они указывали, что кружок преследовал только «цели саморазвития и самообразования». Например, Давид Воскобойников отмечал, что на собраниях он и его товарищи разбирали вопросы общественной жизни, сионизма, в связи с этим беседовали о революционном движении в России, но непосредственного участия в нем никто не принимал [2, л. 20–21].

Об этом же говорил и другой член кружка – Исаак Гольдберг: «По убеждениям своим я принадлежу к сионистскому движению – движению, поставившему целью... духовное возрождение еврейского народа и никакого отношения к социальным движениям

в России не имеющему... Кружок, к которому я принадлежу, преследовал цели самообразования и состоял из близких мне людей, товарищей... кроме того, он не имел никакой организации, а носил чисто случайный характер, т.е. собравшись у кого-нибудь из товарищей, мы менялись мыслями по поводу прочитанных книг... читали еврейскую историю и следили за сионистским движением. Товарищи мои Левенсон, Ельяшевич, Воскобойников, Прейсман и другие по своим убеждениям, как мне кажется, сионисты. Несколько месяцев тому назад старшеклассники гимназисты издавали вполне ученический журнал “Братство”, содержание которого почти все заполнялось беллетристикой» [2, л. 24–26].

Таким образом, по мнению членов кружка, его деятельность носила случайный и товарищеский характер, по мнению жандармских органов, – противоправный. В результате проведенного расследования Г. Левенсон и еще 3 человека были исключены из гимназии, а Виник – из промышленного училища [4, л. 45].

Обнаружение властями кружка иркутских гимназистов не привело, тем не менее, к полной ликвидации кружковой деятельности среди учащихся города. Однако под влиянием «хорошо известного Департаменту полиции» административно-ссылного Генриха Фальборка в 1904 г. задачи и тактика иркутских кружков были несколько изменены. Так, например, была выработана программа для чтения в этих кружках с включением в нее изданий по социологии и вопросов изучения социализма, а также признано было необходимым готовить из членов кружков салонных ораторов с целью создать этим путем более или менее опытных пропагандистов [5, л. 2].

Кружки учащейся молодежи создавались и в других сибирских городах, на что указывали, например, материалы, поступавшие в распоряжение Министерства юстиции. В частности, в Томске в 1903 г. действовал комитет всероссийской организации «Светоч», издававший гектографированный журнал «Вперед». На основании анализа нескольких номеров этого журнала был сделан вывод о том, что он «только что возник, служит органом противоправительственного союза ученических кружков четырех городов Сибири и имеет целью познакомить членов этого союза с революционной пропагандой и подготовить их к сознательной революционной деятельности» [6, л. 7].

Ученические объединения, подобные названным выше, известны в первые годы XX в. и в других сибирских городах. Так, в Красноярске с 1903 г. действовала организация «Луч», а осенью 1904 г. здесь так же, как и в Томске, было создано местное отделение всероссийской организации «Светоч». Оба кружка провозглашали единую цель – «содействие всестороннему развитию личности с учетом требований современной жизни» [7, с. 16].

О характере красноярской организации «Светоч» можно судить по тексту изданной ее комитетом прокламации «К учащимся», в которой говорилось: «Переживаемый Россией исторический момент естественно возлагает на каждого из нас нравственную обязанность определить свое отношение к нему и так или иначе принять участие в общественном движении. Между тем, наша школа, к великому позору ея, до сих пор не освободилась от полицейско-правительственного гнета и своими программами, внутренним распорядком своей жизни, до сих пор еще имеет целью воспитывать из нас верных слуг существующего государственного строя, и, таким образом, является... орудием в руках правительства». На основании этого в прокламации обосновывалась цель деятельности кружка: «Сознавая, что такая школа не может помочь никому, в нравственной обязанности каждого – разобраться в окружающих нас явлениях, заявляя о своем взгляде на современную жизнь школы и неудовольствуясь даваемыми ей знаниями, заняться самообразованием с тем, чтобы выработать в своих членах сознательных, самостоятельных и научно мыслящих людей, которые бы сейчас уже приучались разбираться в происходящих вокруг них явлениях общественной жизни, а впоследствии могут выступить в качестве активных общественных борцов за лучшее будущее России. А, во-вторых, с этой же целью заняться возможно широкой организацией учащихся всех учебных заведений г. Красноярска, осуществляя тем самым свое участие в современном общественном движении» [8, л. 5–6].

Однако помимо кружков, ставивших своей целью «саморазвитие», накануне первой российской революции в среде учащихся возникали и кружки, носившие политический характер и находившиеся под идейным влиянием нелегальных политических партий. По мнению исследователя Л.Н. Метелкиной, в 1902–1904 гг. организациями РСДРП в Восточной Сибири был создан целый ряд ученических кружков социал-демократической ориентации, к числу которых автор относит кружки Е. Ярославского и Г. Крамольникова в Чите (1898–1902 гг.), Г. Крамольникова (1902–1903 гг.) и Н. Добронравова (1903–1905 гг.) в Иркутске [7, с. 15]. Несколько позже в Восточной Сибири стали возникать ученические кружки, изучавшие программу партии социалистов-революционеров. Так, в 1903 г. подобный кружок был создан при педагогических курсах Верхнеудинского городского училища. В 1904 г. под руководством А. Карташовой и А. Трутнева ученические эсеровские кружки возникли в Иркутске. Вместе с тем не все подобные объединения имели четко выраженную партийную ориентацию. Так, члены возглавляемого ссыльным студентом-эсером И. Будиловичем кружка реалистов в Якутске (1902–1903 гг.) занимались изучением программ и изданий не только партии социалистов-революционеров, но также РСДРП и Бунда [7, с. 16].

Таким образом, категорический запрет властей на создание воспитанниками средних и низших заведений собственных организаций приводил к тому, что кружки учащихся действовали нелегально и тем самым практически неизбежно попадали под влияние организаций политических партий, хотя сами они зачастую пытались сохранить беспартийный характер.

Начавшаяся первая революция в России заметно усилила тенденцию к объединению в рядах учащейся молодежи, чему способствовало и выдвигание требований, общих для данной социальной группы. Очевидны были и попытки создания массовых ученических организаций. Во многих учебных заведениях были созданы советы для руководства едиными действиями их воспитанников. Например, по решению подобных советов в октябре 1905 г. были прекращены занятия в Омском механико-техническом училище и Омской учительской семинарии [9, с. 111].

Для координации действий всех учащихся Омска в октябре 1905 г. на общегородском ученическом митинге был создан Союз учащихся, проводивший свою работу в 1905–1906 гг. По донесениям попечителя Западно-Сибирского учебного округа, вступить в Союз пожелало «подавляющее большинство участников ученического митинга» [10, с. 155]. 20–25 октября 1905 г. под руководством Союза прошел ряд забастовок воспитанников учебных заведений города. Подобные союзы учащихся были созданы во всех сибирских городах, где существовали средние учебные заведения (Томске, Красноярске, Чите, Якутске, Верхнеудинске и др.).

В Иркутске в конце 1905 г. кружки учащихся также объединились в Союз учащихся, «выставивший в программе и платформе своих чисто политические цели». По мнению охранительных органов, он был создан при участии партии социалистов-революционеров (ПСР) или подпал под влияние эсеров, и «с начала своего существования оказался преступным сообществом» [1, л. 115]. По свидетельству начальника Иркутского губернского жандармского управления, в январе 1906 г., «когда деятельность революционных организаций путем массовых арестов их членов была почти совершенно парализована, Союз учащихся приступил к более активной деятельности, издав гектографированное воззвание под заглавием «Ко всем гражданам», в коем наряду с порицанием действий правительства учащаяся молодежь призывалась к объединению в союз с целью примкнуть к общему освободительному движению» [1, л. 116]. Издание воззвания от имени Комитета союза учащихся и «Резолюции учащихся в средних учебных заведениях г. Иркутска», по мнению властей, явно свидетельствовало о противоправительственном характере организации [5, л. 2].

Проведенные в начале 1906 г. аресты большинства руководителей учащихся привели к распаду иркутско-

го союза, но освобождение во второй половине года многих представителей революционных организаций способствовало тому, что до высылки из Иркутска они успели «вновь направить дело кружков учащихся, возобновив связи их с организациями». Одним из таких кружков, входящих в состав Иркутского комитета РСДРП, руководил ученик 9 класса Иркутского промышленного училища Александр Скобеев [1, л. 116].

В конце 1906 г. полицией было установлено, что в Иркутске также действует «касса взаимопомощи» учащихся, во главе которой стоят ученица 7 класса гимназии Некрасовой Дебора Шафер (член РСДРП) и воспитанники мужской гимназии Евгений Кауфман и Борис Чекулаев (близки к ПСР). Данные, полученные в результате обыска, подтвердили связь указанных лиц с группами революционных партий, и, как отмечал начальник Иркутского жандармского управления, «сношения означенных лиц с революционным элементом, держание преступных листов и большого количества брошюр тенденциозного содержания, значащиеся в отчетах по кассе расходы «Уч/еник/ам в тюрьму» и рукописи с критикой правительства приводят к заключению, что «Касса взаимопомощи учащихся г. Иркутска» или продолжающая функционировать часть существовавшего ранее «Союза учащихся г. Иркутска» или тот же самый Союз, видоизмененный под влиянием момента в более легальную форму, но имеющий в основании политические тенденции (воспитание в духе и интересах революции) и, несомненно, руководимый преступным элементом» [5, л. 3].

Для освещения деятельности «кассы взаимопомощи» и выяснения «извне ведущих» молодежь лиц, было решено провести обыски у членов правления, на которых указывала агентура: у ученика Иркутского горного училища Сергея Колесникова, воспитанников Иркутского промышленного училища Петра Казакова, Федора Серебренникова, ученика Иркутской гимназии Казимира Гинтовта, воспитанницы 1-й женской гимназии Софьи Мейер (Меер), воспитанницы 2-й женской гимназии Е. Алявдиной, ученицы частной гимназии Григорьевой – Ханы Муниц, воспитанницы частной женской гимназии Ольги Ровинской.

Обыски показали «безусловное и сильно оппозиционное настроение лиц, входивших в состав Правления кассы взаимопомощи», а также «значительную осведомленность их в области теории социализма и истории революционного движения наряду с большим и не по возрасту, иной раз, интересом и даже активным участием в политической жизни государства», что подтверждалось найденными при обыске избирательными списками. При этом жандармским управлением делался вывод, о том, что если это лица выборные, и, следовательно, «наиболее симпатичные учащимся», то на этой основе можно судить и о настроении масс в целом [5, л. 2–5].

В Красноярске в годы первой российской революции тоже действовал Союз учащихся, наряду с которым в городе сложилась целая сеть ученических кружков. Продолжала свою работу и упоминавшаяся ранее красноярская ученическая организация «Светоч», издававшая одноименный журнал, наряду с которым выпускался еще один ученический журнал – «Школа и жизнь» [8, л. 14–20].

Разный подход к вопросу о характере ученических организаций нашел свое отражение в полемике, развернувшейся на страницах обоих журналов. В размещенной в журнале «Школа и жизнь» статье «Профессиональные и профессионально-политические союзы учащихся» говорилось, что современная школа – продукт существующего государственного строя, поэтому всякая профессиональная борьба в школе будет борьбой политической, следовательно, в программе ученического союза должны быть политические требования. Однако мнение «Светоча» было радикально иным. Задавая вопрос: можно ли учащимся иметь свою политическую платформу, журнал отвечал: нет, так как политические убеждения учащихся непрочны, многие вовсе не имеют политических убеждений или находятся в стадии развития. «Разве, если одни учащиеся имеют склонность к одной партии, а другие – к другой, то они не могут быть одинаково членами Союза и вместе защищать свои общие интересы? – отмечалось в журнале. – Разве искренний монархист, точно так же, как и истинный республиканец, не имеет права защищать свои интересы и рассчитывать на поддержку товарищей? Разве, наконец, учащийся, смело и открыто заявляющий, что у него нет политических убеждений, что он еще недостаточно знаком с партиями, что он считает нужным еще много учиться, чтобы определиться, – разве этот учащийся не имеет права называться нашим товарищем, не имеет права защищать вместе свои интересы и должен быть лишен нашей поддержки? Кто осмелится это утверждать? Мы заявляем везде и всегда отстаиваем то мнение, что все учащиеся, независимо от их политических воззрений, независимо от того, как они относятся к политической борьбе, имеют право защищать свои интересы, а так как защита их будет действительной только будучи совместной, то, следовательно, нужны широкие ученические организации» [8, л. 14–20].

Таким образом, очевидно, что Красноярская ученическая организация «Светоч» пыталась сохранить не политический, а, по ее мнению, профессиональный характер, с целью объединения всех учащихся, независимо от их политических убеждений.

Но далеко не все ученические объединения носили столь подчеркнuto беспартийный характер. Так, созданный в 1905 г. в Якутске ссыльным социал-демократом Х. Штейнбахом кружок местных учащихся, получивший название «Маяк», по мнению Л.Н. Метелкиной, на протяжении нескольких лет был

единственной в Якутске организацией, занимавшейся социал-демократической пропагандой [7, с. 18]. В состав кружка входили учащиеся старших классов средних учебных заведений: реального училища, духовной семинарии, женской гимназии. Возможно, они организовывали, в свою очередь, небольшие социал-демократические кружки среди учащихся духовной семинарии, реального и духовного училищ. В ходе революции в ноябре 1905 г. в Якутске, как и в других городах Сибири, образовался Союз учащихся, руководящее ядро которого составили члены кружка «Маяк» [11, с. 80].

Со спадом и завершением революции стремление учащихся сибирских учебных заведений к объединению не исчезло полностью. С 1906 г., после недолгого расцвета деятельности Союзов учащихся, основной формой организации воспитанников средних учебных заведений вновь стали кружки – теперь уже кружки, находившиеся под руководством представителей революционных организаций, для которых подобные объединения служили источником подготовки новых партийных кадров [7, с. 18].

Попытки создания ученических организаций прослеживались в различных городах края. Так, по агентурным сведениям, в начале 1907 г. в Томске действовал кружок гимназистов и, как писалось в частном письме из Томска в Казань в марте 1907 г.: «Здесь кружок гимназистов очень порядочный, так что члены кружка начинают уже немного работать» [1, л. 124]. Кроме того, продолжал свою деятельность, хотя уже и не столь активную, Томский Союз учащихся, руководителем которого, по агентурным сведениям, был студент Томского технологического института Капитон Красин, состоявший в комитете местной социал-демократической организации. В состав данного союза входили представители от кружков учащихся коммерческого училища, железнодорожного технического училища, мужской гимназии, реального училища, женской гимназии. В первой половине 1908 г. в Томске в доме №5 по Семинарскому переулку происходили собрания кружка учащихся средних учебных заведений города [1, л. 124, 172; 12, л. 54].

По мнению руководителей сибирских охранительных органов, кружки учащихся, «находясь всецело под руководством представителей революционных организаций, служат последним источником, из которого организации приобретают свежие, молодые силы для пополнения своих кадров». О целях и задачах кружков, отмечали жандармские чины, наглядно свидетельствовал тот факт, что «за последнее время представители от кружков учащихся становятся одновременно и членами той или иной революционной организации, получая от последних поручения по исполнению различных функций, как например: пропаганда среди рабочих масс, войск и населения, распространение преступных изданий, сбор денег на революционные цели и проч.» [1, л. 117]

Кроме этого, было установлено, что учащиеся, примыкающие к той или иной революционной организации, привлекаются с целью подготовки опытных ораторов и пропагандистов на заседания членов руководящего комитета партийных организаций. Так, на заседании районной конференции Иркутского комитета РСДРП, участники которой были арестованы в марте 1907 г., в числе прочих были воспитанники 7 класса гимназии Валентин Феденев и 6 класса промышленного училища Иннокентий Воробьев. Арестованный в феврале 1907 г. воспитанник Иркутской мужской гимназии Владимир Шнее, «примкнув к местной организации социал-революционеров как представитель групп учащихся, немедленно получил от этой организации поручение по пропаганде в войсках» [1, л. 117].

Сведения о наличии кружков учащихся часто встречались и в частной ученической переписке. Например, в письме из Иркутска, отправленном в январе 1907 г., указывалось, что его автор вместе с другими занимается в кружке, но в то же время он и критиковал кружковую деятельность: «Что же касается меня, то я ни в каких кружках больше участвовать не буду. Они отнимают у меня всякую самостоятельность мышления, вдалбливают идеи ранее их усвоения» [1, л. 112].

В другом письме, отправленном из Енисейска студенту С. Абалакову в Петербургский университет 17 марта 1908 г., его автор писал, что в мужской гимназии города действует кружок старшеклассников, который возглавляет Абкин и другие учащиеся-эсеры, а теперь образовался и кружок учащихся младших классов [13, л. 1]. Подтверждение сведений о наличии в Енисейске кружка учащихся встречается и в документах местного жандармского управления, где в марте 1908 г. отмечалось, что в Енисейске, в доме, где живет гимназист 4 класса Енисейской гимназии Исаак Ревич, «бывают сборища и имеется шриффт» [13, л. 2].

Влияние революционных идей и организаций на учащихся заметно прослеживается и в других сибирских городах, хотя подобные ученические организации чаще всего объявляли себя беспартийными. Так, в Барнауле в 1908 г. полицией была выявлена организованная группа учащихся реального училища и женской гимназии, действовавшая под названием «Барнаульская группа учащихся» (БГУ) [10, с. 91; 14, л. 2–12а]. Группа издавала свой подпольный журнал, имела программу, устав, устраивала собрания. Первый параграф устава Барнаульской группы учащихся гласил: «БГУ ставит своей целью проведение в жизнь и, главным образом, в среду учащихся идей революционной борьбы и идеалов истинно человеческой жизни». Группа объявляла себя беспартийной революционной организацией и планировала развернуть широкую работу среди учащихся [15, л. 173–175]. В то же время на основании текста воззвания за подписью «Девять»,

выпущенного группой в мае 1908 г., и брошюр «К рабочим» и «К трудовому крестьянству» издания ПСР, найденных при обыске у членов БГУ, полицией был сделан вывод о связи Барнаульской группы учащихся с социалистами-революционерами [16, л. 176].

Сведения о существовании в 1908–1909 гг. ученических кружков поступали в департамент полиции из различных городов Сибири: Енисейска, Читы, Иркутска, Красноярска и др.

Так, в Якутске продолжали действовать не подвергшиеся репрессиям в годы революции кружки учащихся: социал-демократический «Маяк» и эсеровские «Светоч» и «Луч» (но оба последних распались в 1908 г.) [7, с. 20]. В ноябре 1907 г. при Якутской фельдшерской школе по инициативе ее слушателя С. Шахурдина был организован кружок «Молодые силы», к началу 1908 г. насчитывавший уже более 60 членов. Кружок этот придерживался взглядов, характерных для ПСР, выпускал журнал «Молодые силы» и располагал значительной библиотекой политической литературы. Несмотря на пропаганду террора, подготовку к экспроприациям и даже попытку их осуществления, деятельность кружка оставалась вне поля зрения полиции до 1909 г. [7, с. 20].

В Чите, по сведениям начальника Иркутского губернского жандармского управления, в январе 1908 г. у учащихся средних учебных заведений существовали действовавшие почти легально «кассы взаимопомощи», стремившиеся к объединению всех учащихся Читы с целью образования Сибирского союза учащихся [17, л. 1].

Весной 1908 г. вновь заявил о себе Союз учащихся Иркутска, о чем недвусмысленно говорилось в письме, попавшем в распоряжение органов полиции: «Здесь организуется союз учащихся, который намерен завести сношения с учащимися других городов... Здешний союз открывает свои функции с началом нового учебного года... Между прочим, привлечены обе семинарии, причем в духовной есть дельные и славные ребята. Цель союза материальная и саморазвитие» [17, л. 2а]. По мнению охранительных органов, в комитет союза входили представители мужских и женских гимназий города, горного и промышленного училищ, учительской и духовной семинарий, женской фельдшерской школы, а одним из главных его руководителей был ученик горного училища Ковецкий [17, л. 8-11]. Членами Союза издавался ученический журнал «Звено», была организована собственная библиотека.

По агентурным данным, осенью 1908 г. в Союзе учащихся была избрана «организационная комиссия, которая должна организовать союз на новых началах. При этом решено привлечь членов партии С.-Р. как руководителей» [18, л. 3–4]. Союз продолжал свою деятельность и в дальнейшем, но, как отмечал начальник Иркутского жандармского управления в апреле 1909 г., в настоящее время «Союз самостоятельной деятель-

ности не проявляет, а если и действует, то только под руководством членов местного комитета С.Р. и С.-Д.», причем предполагалось, что «при получении малейших указаний о возрождении этого союза, таковой, бесспорно, будет ликвидирован» [18, л. 6].

Тем не менее среди иркутских учащихся сохранились собственные организации, о чем свидетельствует, например, факт сбора денег в пользу «кассы взаимопомощи учащихся» 10 сентября 1909 г. в Иркутской мужской гимназии среди учащихся старших классов.

Одновременно ученические организации действовали в Иркутской духовной и церковно-учительской семинариях. Так, осенью 1909 г. была выявлена ученическая организация в духовной семинарии, в состав которой входили Сартаков, Никонов, Мельников, Зинкевич и др. Главным руководителем являлся Александр Никонов, на квартире которого происходили собрания учеников семинарии [18, л. 11–14]. Вывод о политическом характере деятельности семинаристов был сделан жандармскими чинами на основании того, что на собрании членов кружка в духовной семинарии 9 ноября 1909 г. в числе прочих «обсуждался вопрос по поводу предложения тульских семинаристов о посылке петиции в Государственную думу. Попутно было выражено порицание по поводу циркуляра министра народного просвещения, воспрепятствующего поступления в высшие учебные заведения до отбытия воинской повинности» [18, л. 15–18].

Небольшой по численности кружок учащихся Иркутской церковно-учительской школы издавал свой ученический журнал «Товарищ», содержание которого, по мнению охранительных органов, явно свидетельствовало о настроениях учащихся. На заседания кружка приходил рядовой 1-го батальона 7-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады Чижев, подозревавшийся в принадлежности к революционной организации, который говорил, что среди солдат уже много сознательных, кружки существуют в каждом городе, и «надо ждать пока только войско и можно без многих жертв добиться своих прав гражданина» [19, л. 4–5].

Своеобразной попыткой объединения части учащихся Иркутска по национальному признаку стал недолго действовавший в Иркутске в 1909 г. союз учащейся бурятской молодежи, в который входили как его главные руководители учащиеся-буряты учительской семинарии Болтуков, Абашеев, Донбаев, Коняев, Халтатков, Алсаханов, а также несколько учениц женской фельдшерской школы, воспитанники мужской фельдшерской школы и духовной семинарии. Союз имел библиотеку, проводил собрания.

Деятельность союза вызвала обеспокоенность даже в столице, и в апреле 1909 г. из Департамента полиции в Иркутск поступила просьба сообщить, какие меры приняты к прекращению деятельности иркутского Союза учащейся бурятской молодежи, «развитие коего недопустимо» [18, л. 9]. Согласно

ответу начальника иркутского охранного отделения от 29 августа 1909 г., «движение среди бурятской учащейся молодежи создано под влиянием агитации со стороны бывших воспитанников местных учебных заведений. Агитация эта, встретившая на первых порах сочувствие бурят-учащихся, в дальнейшем не имела успеха, и движение не развилось» [18, л. 10].

В 1910–1912 гг. ученические кружки были созданы и в ряде других городов Сибири. Например, сведения о существовании организации учащихся в Барнауле содержатся в воспоминаниях Н. Третьяковой. «В революционную работу, – писала она, – я включилась в 1910 г., когда училась еще в гимназии. В 6 классе у нас был организован кружок самообразования, которым руководил учитель гимназии... вскоре он был арестован. Кружок продолжал работать. Читали Писарева, Добролюбова и политическую литературу... В 1911 г. приходит Стуков И., работал как профессиональный революционер. Часть членов нашего кружка вошла в рабочую организацию. Делались доклады, читались рефераты» [20, л. 1–2].

В Новониколаевске в 1911–1912 гг. местными эсерами было создано несколько кружков, в том числе и ученический. В Омске в декабре 1911 г. жандармским управлением были получены сведения о том, что ученик Омской центральной фельдшерской школы, член ПСР А. Попов «пытается организовать около себя кружок учащейся молодежи из своих товарищей школы, семинаристов и гимназистов». В Тобольске социал-демократический кружок опирался в своей деятельности на учащихся различных учебных заведений города (фельдшерской школы, мужской гимназии, духовной семинарии) [21, л. 27; 22, л. 32; 23, л. 209; 24, с. 78].

Весной 1912 г. сотрудниками охранного отделения был выявлен кружок учащихся в Нерчинском реальном училище. В документах кружок характеризовался как «сорганизовавшийся, якобы, для целей саморазвития, главным образом, из учеников 6 класса, на собраниях занимавшихся чтением тенденциозных брошюр, обсуждением вопросов и явлений современной жизни, в частности своей – училищной, подвергая резкой критике распоряжения училищной администрации и оказывая в этом смысле вредное влияние на остальных учащихся. В состав кружкового комитета входили Абрамов, Просекин, Шилов, Багуза, Грибченков, Рыбаковский, Сопелкин. В переписке, отобранной у Абрамова, имеются указания на политическую окраску кружка». Влияние на деятельность кружка оказывали и посторонние лица, «скомпрометированные в политическом отношении... Кружок этот, помимо

обсуждения вопросов школьной жизни, проводил, будто бы, даже мысль о необходимости выборного представителя от 8 класса в Государственную думу» [25, л. 14, 7–8]. После исключения членов кружка некоторые из них (Шемелин, Бубес) поступили в Верхнеудинское реальное училище, где снова пытались организовать кружок учащихся [26, л. 1–2].

По данным исследователя Л.Н. Метелкиной, в Иркутске в 1913–1917 гг. действовала ученическая социал-демократическая организация, ставшая в октябре 1916 г. ячейкой местной организации РСДРП. В этот же период в Иркутске продолжали свою работу академические объединения учащихся, самой крупной из которых была организация «объединенных учащихся Иркутска», а учащиеся буряты и якуты объединялись в кружки по национальному признаку [7, с. 21–22].

Сведения о дальнейших попытках создания ученических организаций встречаются также в частных письмах учащихся, попадавших в распоряжение жандармских органов. Например, в 1913 г. гимназистка Вера Альперович писала из Нерчинска подруге: «За последнее время моя жизнь стала полнее и причина этому – кружок. Он вносит в мою жизнь свет, тепло, оживление». Состоявшими в кружке ученицами женской гимназии планировалось выпускать рукописный журнал, готовить рефераты [26, л. 1].

В другом письме, посланном 12 октября 1913 г. из Читы в Москву, указывалось: «Образовался здесь кружок из избранных среди учащейся молодежи, и я попала в их число. В субботу будет первое собрание... Этот кружок уже был в прошлом году, но полиция его прикрыла. Говорят – интересный и много дает» [26, л. 4].

Естественно, что обнаружение подобных объединений учащихся неизбежно вело к их ликвидации и удалению наиболее активных деятелей из стен учебных заведений, но кружки возникали снова и снова, поскольку их существование отражало насущные потребности учащейся молодежи.

Таким образом, очевидно, что стремление учащихся к самоорганизации, практически не имевшее возможности реализоваться в легальных формах, приобретало зачастую форму создания тайных организаций, влияние на которые стремились оказать представители социалистических партий с целью подготовки молодежи к революционной деятельности. Попытки властей ликвидировать нелегальные кружки учащихся оказались недостаточно эффективными, поскольку носили только карательный характер, но не устраняли самой причины явления.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. ДП ОО. – 1907. – Д. 68.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). – Ф. 601. – Оп. 1. – Д. 20.
3. ГА РФ. – Ф. 124. – Оп. 12. – Д. 1090.
4. ГА РФ. – Ф. ДП ОО. – 1898. – Д. 3. – Ч. 277.
5. ГА РФ. – Ф. ДП 4 д-во. – 1907. – Д. 23. – Ч. 5.
6. ГА РФ. – Ф. 124. – Оп. 12. – Д. 1798.
7. Метелкина, Л.Н. Общественно-политическое движение учащейся молодежи Восточной Сибири и влияние на него партий демократического направления 1902 – февраль 1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л.Н. Метелкина. – Иркутск, 1993.
8. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). – Ф. 827. – Оп. 1. – Д. 1496.
9. Машкарин, М.И. Учащаяся молодежь Омска в освободительном движении в революции 1905–1907 гг. / М.И. Машкарин // Революция 1905–1907 гг. и борьба трудящихся Сибири против царизма. – Омск, 1985.
10. Шамахов, Ф.Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907–1917 гг.) / Ф.Ф. Шамахов. – Томск, 1966.
11. Сыроватский, А.Д. О социал-демократическом кружке «Маяк» / А.Д. Сыроватский // Революционные со- бытия 1905–1907 гг. в Якутии : сб. ст. – Якутск, 1956.
12. ГА РФ. – Ф. ДП ОО. – 1908. – Д. 5. – Ч. 63.
13. ГА РФ. – Ф. ДП ОО. – 1908. – Д. 37. – Ч. 68.
14. ГА РФ. – Ф. 124. – Оп. 46. – Д. 901.
15. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 167. – Д. 495.
16. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 126. – Оп. 2. – Д. 2357.
17. ГА РФ. – Ф. ДП ОО. – 1908. – Д. 37. – Ч. 69.
18. ГА РФ. – Ф. ДП ОО. – 1909. – Д. 25. – Ч. 69.
19. ГА РФ. – Ф. ДП 4 д-во. – 1908. – Д. 23. – Ч. 5.
20. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). – Ф. 5. – Оп. 6. – Д. 388.
21. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 77. – Д. 402.
22. Государственный архив Омской области (ГАОО). – Ф. 270. – Оп. 1. – Д. 324.
23. ГАОО. – Ф. 270. – Оп. 1. – Д. 526.
24. Толочко, А.П. Борьба большевиков в Сибири за вовлечение в революционное движение студенческой и учащейся молодежи (1907–1914 гг.) / А.П. Толочко // Борьба большевиков Сибири за массы в период первой русской революции и нового революционного подъема. – Омск, 1984.
25. ГА РФ. – Ф. ДП 4 д-во. – 1912. – Д. 21. – Ч. 5.
26. ГА РФ. – Ф. ДП ОО. – 1913. – Д. 25. – Ч. 26. – Лит. Б.